

**«Для западной теории международных отношений появление
«нового мышления» было тем, что она не смогла объяснить и тем
более предсказать заранее»**

*Выступление на презентации доклада «1985-2015. Ценности перестройки в
контексте современной России»*

В.П. Жарков. Коллеги, я с вашего позволения очень коротко вернулся бы к тому, что, в том числе, присутствует в заголовке этого доклада, - к вопросу о ценностях. И, в частности, в перспективе международной политики, роли перестройки в международных отношениях, в той без всякого сомнения революции, которую она совершила в 80-е годы в отношениях двух систем, в глобальном масштабе.

Безусловно, концепция нового мышления является едва ли не главным вкладом, который достался нам в качестве наследия, прежде всего, ценностного, идейного наследия перестройки. С другой стороны, конечно, нужно признать совершенно очевидное, что это наследие сегодня в значительной степени оказалось преданным. Причем я хотел бы обратить внимание: преданным не с одной стороны, а с обеих.

Для того чтобы разъяснить свой тезис, я бы позволил себе сначала обратиться к тексту доклада. Здесь на четвертой странице политика нового мышления характеризуется следующим образом: «С точки зрения приоритета общечеловеческих ценностей, а не геополитического и военного выигрыша любой ценой эта политика была абсолютно новой, по-настоящему современной, реалистичной и рациональной». Я бы хотел привязаться к определению политики как «реалистичной» и немножко попробовать представить свое авторское понимание этого слова. Потому что, конечно, когда мы говорим о реалистичности политики нового мышления, мы имеем в виду прежде всего, как мне кажется, адекватность тем вызовам и тем реалиям, которые сложились в мировой политике к 80-м годам и которые, увы, вопреки тому, что предлагала концепция нового мышления, не преодолены сегодня. Более того, мы находимся в этом тупике еще глубже.

В присутствии Федора Лукьянова я не буду пересказывать его статью о речи Михаила Сергеевича в Генеральной Ассамблее ООН. Тем не менее эти реалии именно в этой речи в далеком уже 1988-м году были прекрасно

отображены. В частности, в ней говорилось, что мы находимся у некоей черты, за которой судьба цивилизации. И единственный выход из этого тупика – преодоление, собственно, того, что теория международных отношений называет международной анархией, поиск пути в сторону равноправного мира без войн и насилия.

Это, конечно, не является реализмом в том, что принято называть реализмом в теории международных отношений. Более того, я хочу сказать, что реалисты, если говорить о западной политической науке, довольно скептически восприняли появление концепции нового мышления Горбачева, и даже, я бы сказал, для них это была некоторая неожиданность. Вообще для западной теории международных отношений появление нового мышления было тем, что они не смогли не объяснить, не тем более предсказать заранее.

Известная отговорка Кеннета Уолца, творца школы неореализма, когда его спросили, что он думает о концепции нового мышления, состояла в том, что это частный случай, а большая теория частные случаи не рассматривает. В этом смысле, к сожалению, Уолц, при всем моем уважении к нему, показал, скорее, свое теоретическое бессилие, нежели силу.

Между тем, новое мышление стала важной составляющей той большой традиции, которая ведет свое начало от Иммануила Канта и Вудро Вильсона. В чем состоит эта традиция? С самого своего возникновения она предполагала построение того, что Кант называл «вечным миром», а Вильсон – «миром без победителей». Это должен быть мир, который был бы заключен не между победителем и побежденным, но мир, который был бы заключен в интересах свободы и независимости каждого актора мировой политики, не ради отношений господствования, а ради свободы каждого.

В мировой истории эти принципы – одни называют их идеалистическими, другие либеральными - оказывалось преданы как минимум во второй раз. Первый раз это случилось после Первой мировой войны, когда во время Версальской конференции европейские страны-победительницы фактически отвергли план президента Вильсона, и это привело к тому, что в свое время Эдвард Карр назвал 20-летним кризисом между 1919 и 1939 годами. Но сегодня Ричард Саква вслед за Карром говорит о 25-летнем кризисе, который разделяет встречу на Мальте, конец холодной войны и события прошлого года в отношениях Россия - Запад.

Фундаментальная причина обоих кризисов, - несмотря на то, что они протекают совершенно по-разному, и ни в коем случае нельзя их

сопоставлять их напрямую, что было бы слишком примитивно - лежит, как представляется, в том, что ведущие мировые силы, наиболее развитые и свободные страны не сумели найти в себе силы для того, чтобы отказаться от принципов эгоизма и группизма, которые лежат в основе реалистического понимания международной политики. Никто из мировых лидеров, пришедших в последующие два десятилетия, не внял тому, что, собственно, говорилось 25 лет назад, именно из Москвы, со стороны руководства бывшего Советского Союза и лично Горбачева.

Сложившуюся ситуацию можно описать в веберовской перспективе. В 1919 году Макс Вебер предупреждал, выступая со своей лекцией «Политика как призвание и профессия», что ситуация поражения всегда вызывает соблазн унижить побежденного. К сожалению, этого соблазна не удалось избежать ни после Первой мировой войны, ни после холодной войны, у которой, на самом деле не было ни победителей, ни проигравших. Ибо выигравшими от окончания холодной войны были все ее стороны, все те, кто эту войну наконец закончил.

Тем не менее и популизм, о котором сегодня принято говорить применительно к международной политике, и эгоизм, который всегда толкает сильные страны к стремлению возвыситься над побежденным, – на данном историческом этапе не были преодолены.

С другой стороны, конечно (и об этом Вебер тоже говорит), проигравшие всегда могут занять достаточно мужественную позицию, признав свое поражение как свершившийся факт, вызванный структурными причинами. Не будем забывать, что на протяжении десятилетий СССР воевал со всем миром. Воевал ради коммунистического проекта, который оказался утопичным и нереализуемым. И вместо того, чтобы признать этот факт и двигаться дальше, мы скатились в нынешнее противостояние, в том числе не без влияния наших визави на Западе, провоцировавших у России комплекс побежденного. Безусловно, возникшее в результате новое противостояние крайне опасно, в первую очередь для России, но и для всего мира.

В этом отношении, конечно, символично выглядит тот сигнал, который нам поступает сегодня с Ближнего Востока, из колыбели мировой цивилизации, где на днях была захвачена Пальмира, которая является общей культурной ценностью для всех нас, и в России, и в Европе, и в Америке, и во всем просвещенном мире. Пальмира – это, пожалуй, ровно тот самый случай, когда уместно говорить об общечеловеческих ценностях в их

материальном измерении. Мы видим сегодня материальный пример того, как то, что несомненно важно, дорого и для выходцев из Санкт-Петербурга, Северной Пальмиры, и для наследников античной традиции на Западе, оказалось под угрозой уничтожения и забвения.

Такова международная проблема, которая должна быть решена в современном мире. Несомненно, в том числе путем возвращения к ценностям перестройки. Причем это возвращение необходимо не только на российском, но и на глобальном уровне, как решение и ответ на серьезный вызов, стоявший сегодня перед нашей цивилизацией, угрожающий самому ее существованию гораздо сильнее, чем четверть столетия тому назад.

28.05.2015